

НАСЛЕДИЕ ЦАРЯ БОРИСА

КОКТЕЙЛЬ ПОЛТОРАНИНА

ТАЙНЫ ЕЛЬЦИНСКОГО
ЗАКУЛИСЬЯ

Коллектив авторов

Коктейль Полторанина.

Тайны ельцинского закулисья

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6056811

Коктейль Полторанина. Тайны ельцинского закулисья: Алгоритм;

Москва; 2013

ISBN 978-5-4438-0357-9

Аннотация

Мемуары Михаила Полторанина произвели эффект разорвавшейся бомбы. Самый откровенный рассказ о ельцинских временах бывшего всесильного министра печати вызвал огромный резонанс. Фактически воспоминания Михаила Полторанина заставили многих по-новому взглянуть на целую эпоху. Известные политологи и публицисты делятся своим новым видением «смутного времени» Бориса Ельцина сквозь призму откровений бывшего министра. Новый, иногда шокирующий подход к нашей новейшей истории не оставит равнодушным ни одного читателя, интересующегося эпохой.

Содержание

Олег Кашин. Лагерный иврит	5
Александр Шевякин. По пути «большой загогулины»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Коктейль Полторанина. Тайны ельцинского закулисья

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Олег Кашин. Лагерный иврит

Судьба правдиста Михаила Полторанина

I

Когда мы уже прощались, я зачем-то (в интернет-дискуссиях на такие вопросы принято отвечать – «А что, Гугл отменили?») спросил его, сколько ему лет. Он ответил, что в ноябре будет семьдесят, и я даже вздрогнул – то есть в девяносто втором году ему было пятьдесят три, меньше, чем, например, Путину сейчас. И при этом – на фоне своих коллег по правительству (а тогда даже была такая аббревиатура – ГКЧП, в смысле Гайдар-Козырев-Чубайс-Полторанин) он выглядел не меньшим дедушкой, чем сам Борис Николаевич, которому тогда, впрочем, и самому было чуть за шестьдесят – меньше, чем сегодня, скажем, Никите Михалкову. Коттеджные поселки Калужского шоссе – милая и трогательная пародия на Рублевку. Ну да, недалеко от Москвы – зато ехать через Троицк. Ну да, забор и охрана, но охранник в будке и бровью не ведет, когда через его вечно поднятый шлагбаум в поселок въезжает наше такси, а забора, кажется, лучше бы и не было – слишком уж плотно теснится внутри его выставка двухэтажного зодчества девяностых – двухтысячных. Ви-

шенкой на торте – дорожный указатель «Жуковка» перед поворотом к поселку; Жуковка, да не та. Дом в глубине поселка и встречающий нас хозяин в легкомысленной вязаной жилетке в цветочек, делающей его чем-то похожим на сибирских кулаков из советского кино.

Михаил Полторанин, кстати, и происходит из раскулаченных сибиряков. К моменту его поступления на журфак Казахского государственного университета сын за отца перестал отвечать окончательно, и дальнейшая карьера Полторанина была воплощением мечты любого идеологического работника: репортер «Лениногорской правды», потом в газете «Горный Алтай», потом – ответ-сек республиканской «Казахстанской правды», потом – собкор всесильной «Правды» по Казахстану с территорией ответственности от Урала до Дальнего Востока. Современному журналисту трудно понять, что такое правдист в семидесятые – не столько журналист, сколько чиновник; это удивляет меня, но совсем не Полторанина, который невозмутимо рассказывает, как ездил по заданию ЦК в Находку: «Тогда были такие моменты, когда нужно было соединять транспортные узлы – состыковать морское пароходство, железнодорожный транспорт и автодорожный». – А потом Афанасьев (главный редактор «Правды». – *О.К.*) вызывает меня сюда: «Чего ты там сидишь? Переезжай в Москву!» Сделали меня спецкором, дали квартиру. Было это в семьдесят восьмом году.

II

Сельскохозяйственным отделом в «Правде» тогда заведовал Валерий Болдин – в августе 1991 года его арестуют по делу ГКЧП, и в «Правде», которая той осенью еще пыталась встроиться в новую систему, даже выйдет специальная статья о том, каким подонком этот Болдин остался в памяти правдистов – он даже кофе пил с каким-то противным причмокиванием. Но это будет потом, а тогда правдисты Болдина любили, и Полторанин с ним тоже дружил. А еще с Болдиным если не дружил, то, по крайней мере, плотно сотрудничал заведовавший сельхозотделом ЦК КПСС Михаил Горбачев, и весной 1985 года, когда Горбачев возглавил партию, он позвал Болдина работать в ЦК. Апрельский пленум уже прошел, до XXVII съезда оставалось меньше года, и новое начальство испытывало острый дефицит спичрайтеров.

– И Болдин сказал Горбачеву, что тут есть парень, который знает экономику, туда-сюда, давай пригласим его. И Горбачев меня позвал. Не в аппарат, а просто поговорить. И я приехал к Горбачеву, познакомились, и меня после этого разговора посадили на сталинскую дачу на три месяца писать. Там за главного Яковлев был, Александр Николаевич, но он приезжал и уезжал, а я как под арестом сидел. Там кормили, табак давали, но семья не приезжала, не пускали, и меня домой не пускали тоже. Давали мне все, даже самые

секретные, документы Госплана, КГБ, – все мне привозили. Я конспектировал, черновики тут же охрана брала, такие полосатые были мешки, в них мои записи засовывали и по акту сжигали. Писал я, писал, а когда написал, отдал Яковлеву и вернулся на работу в «Правду».

Через несколько недель Полторанину позвонили уже из Московского горкома партии. Звонил новый первый секретарь Борис Ельцин – вопреки слухам, раньше они знакомы не были, и даже в Свердловске Полторанин никогда не бывал. Ельцин искал нового главного редактора «Московской правды», и Болдин порекомендовал Борису Николаевичу своего бывшего коллегу. – Но я тогда еще не знал, что он меня на работу зовет. Просто сказал: «Хочу с вами встретиться, приезжайте. Завтра можете?» «Могу, во сколько?» «Ну, часиков в семь утра». Я говорю: «Да вы что, я раньше девяти не встаю, у нас с десяти рабочий день, у меня квартира в пяти минутах ходьбы от «Правды». Он посмеялся: «Ладно, тогда к девяти». Я собрался, поехал, сел в лифт и застрял в лифте у себя на Бутырской. Как назло, никогда такого не было. Застрял, опоздал.

До Полторанина «Московской правдой» руководил Владимир Марков – слабый редактор, зато сильный партиец. Полторанин говорит, что Марков «всего Маркса знал наизусть». – Он даже в «Правдисте» (корпоративная многотиражка тогдашней «Правды». – *О.К.*), когда ему поручили к 8 Марта написать передовицу о женщинах, умудрился шесть

цитат из Маркса зафигачить. Это было для него естественно, он философ, кандидат наук. Афанасьев-то – тот вообще академик, но у него мировоззрение, широта взглядов, а Володя заикленный был. И естественно, он Ельцину был не нужен.

Ельцину Полторанин сказал, что примет его предложение, если Афанасьев отпустит, но на самом деле ему и безо всяких «если» очень хотелось работать с Ельциным – слава о новом первом секретаре уже гремела по парторганизациям не только в Москве. Летом восемьдесят пятого у Полторанина в «Правде» вышел репортаж «Гроза над Рузой» (о советские газетные заголовки!) о конфликте между первым секретарем Рузского райкома и Московским обкомом. Полторанин ездил в Рузу, присутствовал на пленуме, обсуждавшем конфликт, и рузский первый секретарь с трибуны в сердцах сказал, что за свое кресло не держится и с удовольствием уйдет работать «хоть дворником к Ельцину, который этим чинушам хребты ломает». Зал встретил эти слова овацией.

III

Афанасьев не хотел отпускать Полторанина («Он ведь меня вытащил, дал квартиру, я был такой молотилкой в "Правде". Снимал секретарей обкомов своими публикациями»), но упрямый Ельцин обратился за помощью к новому заведующему отделом агитпропа ЦК Александру Яковлеву, который сумел уговорить Афанасьева отпустить спецкора Пол-

торанина в «Московскую правду». «Афанасьев, конечно, пожелал мне провалиться. Я, мол, не ожидал от тебя, на фиг тебе этот Ельцин нужен, – ну я и пошел с таким напутствием. И вот мы стали с Ельциным работать».

Ельцин пообещал Полторанину, что кроме первого секретаря горкома в работу газеты никто вмешиваться не будет, но Полторанин должен пообещать «работать в рамках, задаваемых горкомом». Рамки при этом выглядели вполне революционно: «демократизация, борьба с привилегиями, разгром чиновничьей мафии». За первый год нового формата тираж «Московской правды», составлявший 110 тысяч экземпляров, достиг миллиона. В 1987 году газету включили во все-союзный каталог «Союзпечати» – городская газета фактически стала общенациональной.

IV

Скандалная отставка Бориса Ельцина с должности первого секретаря горкома случилась, как известно, в октябре 1987 года, но уже летом было понятно, что Ельцин – хромая утка. Соратники Михаила Горбачева по Политбюро (сам генеральный секретарь пока сохранял нейтралитет) начали критиковать Ельцина уже публично.

– Мы с ним тогда поцапались в первый раз. Когда на него стали давить, он мне говорит, что вот, надо бы уже показывать хорошее, что делается в Москве. Я, говорит, работаю

уже здесь год, уже пора показать результаты. Я ему говорю: Борис Николаевич, ну вы даете. Работаете всего год, и говорите, что надо позитив только показывать. Что это такое? Пришел человек и все поменял к лучшему. Мы же так не договаривались. Ельцин тогда, наверное, обиделся, но у Михаила Полторанина были возможности продемонстрировать Борису Николаевичу свою верность. Во время октябрьского пленума ЦК, рассматривавшего фактически персональное дело Ельцина, Полторанина вызвали на Старую площадь Егор Лигачев и Александр Яковлев и продержали в запертом кабинете целый день, требуя написать заявление, осуждающее первого секретаря Московского горкома.

Полторанин говорит, что из здания ЦК ему пришлось спастись бегством – сказал сидевшему с ним в кабинете чиновнику отдела пропаганды Игорю Склярову по прозвищу Череп, что хочет в туалет, а когда Скляров пошел его сопровождать к уборной, Полторанин, не прощаясь, бегом спустился по лестнице и уехал домой. А когда новый первый секретарь горкома Лев Зайков на заседании бюро горкома предложил Полторанину остаться в «Московской правде», «чтобы вместе поднимать партию и долбать наследство Ельцина», Полторанин написал заявление об уходе и даже отказался от помощи горкома с поисками новой работы. С работой ему помог главный редактор «Московских новостей» Егор Яковлев, который отвел Полторанина к председателю правления Агентства печати «Новости» Валентину Фалину («Москов-

ские новости» принадлежали тогда АПН). Полторанин стал политическим обозревателем АПН и постоянным автором самой популярной перестроечной газеты, в «Московских новостях» он впервые, по его словам, по-настоящему столкнулся с цензурой.

– Цензура была, конечно, всегда. Был Главлит, но мы умели его перехитрить. Допустим, я писал еще в «Правде» статью из Алтайского края – статья называлась «Перегрузка», о том, как природа наша поганится. Работают заводы, сернистый газ из всех труб лезет, потом соединяется с водой, получается серная кислота, и все провода линий электропередачи падают, – и когда я написал эту статью, Главлит ее завизировал, но сказал, что мы не даем добро, должен Гидрометцентр еще смотреть. И председатель Гидрометцентра Израэль забодал меня. Тогда я взял гранки и вставил два абзаца про Израэля, что он должен следить за этим, а ни черта он не следит и так далее. И он, когда читал, дошел до этого места, побагровел и говорит – «Ну я же не могу за все отвечать!» А я ему: «А вы обязаны!» Стали спорить, я говорю – давайте, в конце концов, уберем эти два абзаца. Он обрадовался, завизировал статью.

«Московских новостей» главлитовская цензура, по словам Полторанина, не касалась – там все совсем на другом уровне было. Егор брал все статьи очередного номера в папочку и ехал с этой папочкой к Александру Николаевичу Яковлеву, и Яковлев эту папочку смотрел – вот это пропус-

каем, а это не пропускаем. Даже в «Правде» такого не было, только в «Московских новостях» и в «Огоньке». Мои статьи Яковлев часто браковал — я, например, написал материал о наших пленных в Польше в двадцатом году, когда Тухачевский делал авантюру. Сдал почти сто тысяч наших красноармейцев в плен, и я писал, как поляки издевались над нами. Красноармейцу вспарывали живот, сажали туда живого кота, зашивали и смотрели, кто быстрее сдохнет, красноармеец или кот. Такие вещи Александр Николаевич не пропускал. Или еще у меня была статья, как наши гибли, отбивая от немцев ту же Литву, или о том, как Литве передали Вильнюс и Клайпеду — то же самое: вот если бы про пакт Молотова — Риббентропа, то пожалуйста, а так — нецелесообразно.

Взятое Полтораниным интервью у работавшего в то время в Госстрое СССР Бориса Ельцина смогло выйти только в немецком выпуске «Московских новостей».

А другая статья Полторанина на ту же тему — «Как они казнили Бориса Ельцина», написанная для итальянской *Corriere della Sera* после скандальной публикации о Ельцине в итальянской же *La Repubblica*, чуть не стоила Полторанину партбилета, по поводу этой статьи его несколько раз вызывали на проработку в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. После статьи в *La Repubblica*, кстати, в «Огоньке» вышло маленькое интервью Ельцина, взятое у него молодым журналистом «Огонька» Валентином Юмашевым. С тех пор Полторанин уже не мог считать себя любимым жур-

налистом Ельцина – и я не очень верю, когда Михаил Никифорович говорит мне, что близость Юмашева к Ельцину никогда не вызывала у Полторанина никаких эмоций. «Больше того, ведь я Ельцину сказал, что у нас таких (как с Юмашевым. – *О.К.*) отношений не может быть. Когда Юмашев книгу («Исповедь на заданную тему». – *О.К.*) написал, я уже был министром печати, так я не разрешил ни одному государственному издательству ее печатать. Потому что, может быть, конечно, это и идиотизм, но я хотел, чтобы даже не пахло злоупотреблениями. И ее печатали частным образом. И я Ельцину объяснил, хотя Ельцин этого и не понял. Он мне говорил: «Если мы пришли к власти, и все уже наше, мы что, в Америке мою книгу должны печатать?» А я сказал: «У нас есть примеры Брежнева, Андропова, Черненко, даже Горбачева, когда не успеет человек прийти, все издательства выстраиваются. Будем печатать Пушкина, Гоголя, учебники, а вас пусть частники печатают».

V

В 1989 году, когда избранный первым Съездом народных депутатов Верховный Совет СССР только начал работать, комитеты и комиссии нового советского парламента заседали вначале в гостинице «Москва», а потом, когда упразднили Госагропром СССР – в его бывшем здании на Калининском проспекте, но возглавляемый Ельциным комитет

по строительству и комиссия по СМИ, в которой работал народный депутат СССР Полторанин, переехали не на Новый Арбат, а в бывший жилой дом на Манежной улице окнами в Александровский сад – в квартиры Марии Ульяновой и Инессы Арманд. Контрольный пакет в Верховном Совете был у «агрессивно-послушного большинства», опального Ельцина многие сторонились, и почти каждый день Ельцин обедал с Полтораниным. Полторанин и его коллеги готовили тогда фантастически либеральный Закон СССР о печати (он вступит в силу 1 августа 1990 года и позволит трудовым коллективам фактически экспроприировать свои газеты и журналы у партийных и советских структур).

– И я рассказывал Борису Николаевичу об этом законе, о том, как мы ездили перенимать опыт поляков, у которых такой закон уже был, о тех наработках, которые предлагали прибалтийские депутаты. Главная идея была – закон прямого действия, то есть без отсылов к правительству, потому что если в законе написано, что что-то должны решать чиновники, закон не будет работать. При этом вместо Главлита должна быть создана на правах министерства сеть инспекций по защите свободы печати и по контролю за чиновниками. Если по стране создается свободная печать, то должен кто-то следить за тем, чтобы чиновники в ее дела не вмешивались. Ельцин все это впитывал, впитывал.

К разговору о министерстве Ельцин и Полторанин вернутся через полгода, после избрания председателя Верхов-

ного совета РСФСР. – Депутатом РСФСР я не был, но у нас же все было рядом – тут Верховный совет заседает, а тут российский Съезд. Наш закон о печати мы принимали 12 июня, а они в этот день декларацию о суверенитете. И я пришел – любопытно же посмотреть. И когда Ельцина председателем выбирали, я тоже ходил смотреть. Избрали его, мы все вышли покурить, там в Кремлевском дворце такая решетка чугунная около лестницы, мы там стоим, курим, и Ельцин идет, увидел меня, – Михал Никифорович, пойдём, – в сторону меня отвел: все, пора министерство создавать.

VI

В российском Совмине Полторанин остался и после ухода премьера Ивана Силаева в правительство СССР, когда Ельцин сам сформировал новое правительство России – с Егором Гайдаром на посту первого вице-премьера. В 1992 году Полторанин возглавил Межведомственную комиссию по рассекречиванию документов КПСС и одновременно стал вице-премьером.

– А потом Хасбулатов сказал, что если вы отправите Полторанина в отставку, то мы вашего Гайдара утвердим премьером. И Гайдар с этим ультиматумом пошел к Ельцину: «Вот такое условие». Ельцин мне позвонил, чтоб я пришел, тоже мне пересказал это условие, я говорю: «Уйду, какой разговор. Но, по-моему, это херня. Я уйду в отставку, а они

все равно кинут». Ельцин: «А вдруг не кинут, что делать?» Это было в ноябре, а в декабре они кинули, не выбрали Гайдара. Но тогда я сразу же написал заявление, прямо в кабинете у Ельцина. Он мне еще говорит: «Ну давайте вот Останкино берите сейчас». Я говорю: «Нет, Останкино я не буду брать. Давайте создадим Федеральный информационный центр».

ФИЦ, Федеральный информационный центр с гендиректором в ранге первого вице-премьера – это что-то вроде современных госкорпораций. Можно смело сказать, что, создавая ФИЦ, Полторанин на много лет опередил свое время. Огромный холдинг, в состав которого вошли все телевизионные и радиопередающие центры страны, все тогда еще государственные региональные типографии и бумажные фабрики, специальный банк для кредитования СМИ, недвижимость. ФИЦ также имел монопольное право распределения телевизионных и радиочастот. Возглавил империю Полторанин. Единственное, чего ему не удалось – это упразднить ставшее после создания ФИЦа ненужным министерство печати. Съезд народных депутатов лишил Ельцина предоставленных ему осенью 1991 года чрезвычайных полномочий, и упразднять министерства президент уже не мог. «На должность министра Ельцину там кого-то сунули, даже фамилию его не помню. Ельцин мне звонит и говорит: «Мне там кого-то сунули, вы его знаете?» Я не знаю. Он: «Вы мне давайте кого-то другого срочно, у меня есть десять минут». Сначала

я позвонил Славе Старкову (главный редактор «Аргументов и фактов». – *О.К.*). «Слава, пойдешь министром?» – «Нет, не пойду». Я звоню тогда Игорю Голембиовскому (главный редактор «Известий». – *О.К.*). Игорь мне предложил Володю Надеина (ветеран «Известий», ныне постоянный автор *ej.ru* – *О.К.*), но его не оказалось на месте, а у меня времени нет. Три минуты остается, Ельцин перезванивает: «Ну как?» Я говорю: «Подождите». Звоню своему заму Михаилу Федотову. Федотов такой, как штык: «Конечно, готов!» Я даю Ельцину Федотова, и через десять минут по радио уже передают – назначен Федотов.

VII

Полторанин говорит, что у ФИЦа были только технические функции, но даже сейчас очевидно, что это учреждение имело огромный пропагандистский потенциал – современники в этом были также уверены, оппозиционные газеты называли Полторанина Геббельсом, а группа депутатов Верховного Совета оспорила создание ФИЦа в Конституционном суде. Суд признал ФИЦ неконституционной структурой, и бюджетно-плановая комиссия парламента заблокировала бюджетное финансирование полторанинского холдинга. Два месяца ФИЦ еще жил, получая деньги непосредственно от Бориса Ельцина из президентского резерва, а в июле 1993 года Полторанин написал Ельцину заявление об отставке, и

Федеральный информационный центр прекратил свое существование. Полторанин объясняет свою отставку и ликвидацию ФИЦа нежеланием находиться в подвешенном состоянии; тогдашнее состояние бывшего министра печати и в самом деле иначе охарактеризовать трудно, но вовсе не только из-за признания ФИЦа неконституционной структурой. В знаменитых одиннадцати чемоданах Александра Руцкого был компромат и на Михаила Полторанина – вице-президент обвинял министра в махинациях с бывшей советской недвижимостью в Берлине. Речь шла о Доме советской культуры и техники, который Полторанин своим распоряжением передал российско-германскому СП.

– Вообще меня, конечно, подставляли с этим домом, – говорит Полторанин. – Я там никогда не был, не видел этого дома никогда. Мне принесли бумаги, документы, что в этом доме какие-то друзья Шохина (Александр Шохин, в начале 90-х – вице-премьер... – *О.К.*) устроили перевалочную базу для перегона машин из Германии сюда. И берлинский дом может уйти так же, как ушел венский дом советской культуры, который к тому времени уже был в частных руках. Меня это, естественно, разозлило. А принес мне эти бумаги Сережка Байгаров, бывший собкор «Правды» по Германии. Он пришел ко мне с каким-то замом Чубайса по Госкомимуществу и говорит: «Вот есть такой дом, можно создать берлинский дом русской прессы. Там издавать газету на русском языке для русскоязычного населения Европы и там же мож-

но нашу газету на немецком издавать». Эта идея мне понравилась, и я подписал распоряжение о создании совместно-го предприятия – не моего личного, а с российской стороны министерство и с немецкой – немецкая структура какая-то. Мы предоставляем дом, а немцы его капитально ремонтируют. Они еще за это попросили дать им помещение под парикмахерскую. Я все подписал, а потом Госкомимущество отошло от этого дела. А без него я как министр печати не имею права распоряжаться госсобственностью, и получается, что я превысил свои полномочия. Ну, превысил и превысил. Я потом написал бумагу, что я снимаю свою подпись, но тем не менее все это закрутилось.

VIII

В 1993 году в телеинтервью Андрею Караулову Полторанин (несколько лет спустя он станет президентом телекомпании Караулова «Момент истины») произнес словосочетание, вызвавшее бурю возмущения либеральной прессы – «лагерный иврит». В каком контексте были сказаны эти слова и что обозначали, я не помнил и поэтому спросил, что такое лагерный иврит.

– Лагерный иврит – это стиль средств массовой информации современной России, – сказал Полторанин, как будто это и есть ответ на мой вопрос. Потом добавил – Это выражение было в записных книжках Исаака Бабеля. У него

это так незаметно проскочило, но мне врезалось в память, и я тогда сказал у Караулова – мы дали большую свободу журналистам, но этой свободой надо пользоваться нормально. Нормальные люди, нормальные журналисты пользуются этой свободой, чтобы что-то для России сделать, а вот вся эта шпана, которая приходит на телевидение, использует свободу для того, чтобы все обгадить. И вот этот лагерный иврит, этот стиль общения с читателями, со зрителями, может вызывать большую волну сопротивления и волну погромов. Ребята, намотайте себе на ус, – если погромы начнутся, вы сами их и вызвали. Вот что такое лагерный иврит.

Я спросил Полторанина, понимал ли он, что такие слова безусловно не понравятся интеллигенции. «Интеллигенция – это кто?» – спросил меня Полторанин в ответ. Я назвал наугад имя одного из наших авторов. Полторанин поморщился: «Вы считаете ее интеллигенцией? По-моему, она просто дура. Интеллигенция – это Астафьев Виктор Петрович, друг мой боевой, царствие ему небесное. Это Василий Белов, это Юрий Бондарев, тот же Распутин Валентин. Я их всех собирал у себя в министерстве, они мне говорили: «Чего ты об Ельцина мажешься, уходи оттуда!» А я говорил: «Чего уходи, я же дело делаю, мы же создаем независимые СМИ».

IX

Понятно, что нужно делать поправку и на эффект мемуа-

ров, но, похоже, старый правдист Полторанин действительно боролся за независимые СМИ – и на должности министра, и позже, в первой Госдуме, когда депутату Полторанину удалось добиться преодоления вето Совета Федерации на закон, запрещающий госструктурам учреждать собственные печатные издания. Закон в итоге отверг сам Борис Ельцин.

– Я позвонил ему, сказал, что вообще не понимаю – с одной стороны не хотите избавляться от государственных газет, а с другой отдаете в частные руки целое ОРТ.

С ОРТ, кстати, тоже была история. Когда мы принимали бюджет, Березовский пришел ко мне: «Дайте нам два миллиарда на содержание ОРТ». Я ответил: «С какой стати я тебе дам денег? В тебя государство комплекс вложило останкинский, все помещения за рубежом, всю технику, ты ни хрена, ни копейки не вложил – давай теперь раскошеливайся». Он побежал к Черномырдину. Черномырдин деньги выделил. Я снова позвонил Ельцину – «На каком основании вы этим хулиганством занимаетесь?» Он говорит: «Разговаривайте с Черномырдиным». Я отвечаю: «С этим м...ком не хочу говорить». Так мы и поругались.

Х

Полторанин говорит, что в 1996 году, последний раз в жизни разговаривая с Борисом Ельциным, он отказался сотрудничать с его избирательным штабом и пообещал не

только голосовать против Ельцина, но и агитировать против него – говорит, что «к тому моменту уже все про Ельцина понял». В публичных проявлениях оппозиционности, впрочем, Полторанин замечен не был, зато, по его словам, были непубличные. Полторанин рассказывает, что после нового 1998 года в его квартире раздался звонок. Незнакомый мужчина сказал: «Михаил Никифорович? Это Рохлин Лев Яковлевич с глубоким к вам почтением. Мне нужно с вами поговорить». Генерал Рохлин, избранный в Госдуму по спискам проправительственного блока «Наш дом – Россия» к тому времени был, может быть, самым радикальным оппозиционером в Госдуме. Он создавал антиельцинское «Движение в поддержку армии» и вербовал туда бывших соратников Бориса Ельцина. С Полтораниным ему повезло.

– Отношение мое к Ельцину и режиму, который он создал, неизменно с 1996 года, – говорит Полторанин. – Я считаю, что этот режим неконституционный с 1996 года, когда Ельцин проиграл выборы. Никто Ельцина не выбирал, они просто узурпировали власть. А теперь уничтожили парламент, из Совета Федерации сделали какую-то сходку, елки-палки, вместо партий – организованные преступные группировки чиновников. Все это антиконституционно, и конституционным путем нечего мечтать поменять власть, – а дальше Полторанина я цитировать не буду, потому что статью за призывы к свержению строя никто не отменял.

Лев Рохлин действительно нашел в Полторанине едино-

мышленника. Полторанин говорит, что Рохлин готовил вооруженный мятеж, собирался устранить Бориса Ельцина от власти и передать ее «Комитету национального спасения». «Во главе комитета он хотел поставить Лужкова, и Лужков об этом, конечно, знал, – говорит Полторанин. – А насчет дальнейшего программа была такая – проводятся настоящие честные выборы, отменяются результаты приватизации, и дальше снова все на свои места». Полторанин – первый из моих собеседников, кто так откровенно рассказывает о Рохлине под запись. Раньше я уже слышал – от отставных генералов, от действующих чиновников, – что-то вроде: «Никто никогда не узнает, какую роль в планах Рохлина играл, например, Черномырдин», или: «Последним, кого убило государство, был Рохлин», но каждый раз собеседники оговаривались – только, мол, не пиши об этом. Полторанин этой оговорки не делает – совершенно спокойно рассказывает, как водил Рохлина в банк «Империял» за спонсорской поддержкой, как за Рохлиным постоянно ездила «Нива» наружного наблюдения, как Рохлин за несколько дней до смерти сказал Полторанину: «Меня заказали». Можно допустить, что Полторанин, желая придать своему образу оттенок героизма или еще из каких-то того же порядка соображений фантазирует. Но, черт возьми, рассказ бывшего вице-премьера о подготовке государственного переворота – это в любом случае сенсация. Прозвучи такой, – неважно, правдивый или нет, – рассказ в условной Америке – он стал бы сюжетом для де-

сятков книг и фильмов, а я вон, видите, сопровождаю каждый абзац реверансом, чтобы вы, не дай бог, не подумали, что я отношусь к словам Полторанина всерьез.

— А потом, когда уже всем все было ясно, когда его положили соратники, Рохлину позвонил Валя Юмашев и сказал, что Борис Николаевич вам предлагает должность замминистра обороны, Рохлин ответил: «Скажи своему Ельцину, чтоб шел на х...». А потом его убили.

XI

В 1996 году, когда у Полторанина истекли депутатские полномочия, он вместе со своей старой соратницей Бэллой Курковой выиграл в Петербурге конкурс на телевизионную частоту и, взяв кредит у каких-то англичан, создал телекомпанию «ТВ-3» (ныне это «Настоящий мистический» канал). Несколько лет спустя партнеры продали канал структурам Владимира Потанина, и теперь бывший министр может позволить себе вполне безбедно существовать на даче в коттеджном поселке, почти не бывая в Москве.

В прошлом году в «Русской жизни» основатель журнала «Столица» Андрей Мальгин писал о Полторанине: «Он любил приглашать в свой кабинет главных редакторов и пьянствовать с ними. Пару раз и я там был. Это был какой-то ужас: водку наливали стаканами, закуски не было, некоторые выходили блевать в туалет, а красный как рак Полторанин

сидел прочно, как Будда, и разливал себе и гостям бутылку за бутылкой.

Смысл в таких встречах был: главные редактора подсовывали Полторанину на подпись челобитные о выделении кредитов, и Полторанин наиболее стойким собутыльникам их подписывал».

Я пересказал этот фрагмент Полторанину, Полторанин в ответ обозвал Мальгина дураком и сказал, что пили не водку, а коньяк, и не стаканами, а маленькими рюмочками. Черт его знает, стаканами или рюмочками, но я бы с Полтораниным, конечно, выпил.

Александр Шевякин. По пути «большой загогулины»

Книга М.Н. Полторанина «Власть в тротиловом эквиваленте» на сегодня лично для меня – впечатляющее и радостное событие. Но еще большего от нее можно ожидать завтра, ибо она – это тот гигантский задел, на котором будут построены новые исследования по «перестройке» и 90-м. Книга М.Н. Полторанина открывает новый период в нашем общественном знании и публицистике. Опытнейший журналист начал говорить на том богатом русском языке, который читатель только и может принять, ибо нормальный человеческий язык порядком подзамусорили наши «обществознатцы», и читатель утратил с ними всякую смысловую связь. И вот уже четвертый год книга держит звание «Политический текст № 1», и никак не появится автор, который бы превзошел это достижение. Итак, книга М.Н. Полторанина – это его высокий профессионализм.

Но еще больше в таком тексте содержится мужества. Надо обратить внимание, что это непростое мужество. Оно не стандартно. Наверняка, М.Н. Полторанину было нелегко подвести черту под прошлым, и признать свое личное поражение. Формально команда, к которой он принадлежал, победила. Но после она же и угробила материнскую систему. И

вот приходится уходить на противоположный путь...

Второе мужество явное – стать заговорщиком вместе с Л. Рохлиным. Тайно выступить против вчерашнего руководителя. Подсказывать своим новым товарищам, которых уже денно и нощно «пасла» «наружка». Быть под прицелом. И теперь открыться: да, и такое было...

Третье мужество – это настоящая книга. Автору удалось охватить все пять трудностей при написании правды. Все строго по Б. Брехту: Тот, кто ныне хочет бороться с невежеством и писать правду, должен обладать мужеством, чтобы писать правду, хотя ее повсюду подавляют; умом, чтобы распознать ее, хотя ее повсюду скрывают; умением пользоваться ею как оружием; способностью выбирать тех, в чьих руках она будет действенной; хитростью, чтобы распространять ее среди других. И здесь – «большая разница» с современными политическими текстами, где крикливое «гражданское мужество» в деле очередного разоблачения кремлевских есть на самом-то деле тайный сговор с А. Коржаковым.

О крахе, и довольно скором, говорят и А.А. Паршев, и даже А.С. Ципко и т. д. Но может быть, хоть эта книга «проймет» людей? Или еще как-то удастся «достучаться до небес»?

В общем, надо эту книгу широко распространять, как можно шире пропагандировать, и просить уважаемого автора написать еще. И не одну...

ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ

Книга начинается с метафоры: читатель прикасается к оголенным проводам и получает импульс, который заряжает его на ответные действия. И от этого прикосновения убеждаешься: да, прав был не забывшийся мне автор сентенции о том, что, слава Богу, есть еще СМИ, которые нам беспрестанно врут: действительность настолько страшна *на сейчас*, и особенно, *на потом*, что напиши полную правду, и у нас вся страна сойдет с ума: ужас реальной матрицы, в которой мы живем, мозг просто не вынесет.

Ну а народ-то, на которого столько надежд, а народ-то что, как среагирует? – спросит сурово Гражданин. Отвечу: народу-то нет, последний положили в, да около Белого Дома в 93-м; а есть так себе, население, а оно что малые дети: глазки своими ручонками прикрыли и думают, что угроза перестала существовать. А народ – это когда имеется вождь, который его ведет к свету. Про нынешних вождей лучше помолчим, чтобы не расстраиваться...

Теперь же, пользуясь имеющимся источником, постараемся попасть как можно точно в большую реальность.

Книга показала насколько непростое явление политика, а уж перестройка и тем паче!

Буквально на прошлой неделе удалось прочесть в интернете такой пассаж: граждане, вдумайтесь, что такое пере-

стройка, если человек, который в начале ее имел все, а потом потерял это (оставили пенсию, которую инфляция быстро низвела... до 4-х долларов, большой офис на Ленинградке, две «Волги» и 6 охранников для приличия) вот уже 20 лет заявляет, что это он всех победил, и на это еще обращают внимание...

Мы долго, практически все время, смотрели на Б. Ельцина глазами его политических оппонентов. И казалось, что мы были только правы в оценках. Наши представления о нем были примерно такими, как их озвучил автор следующего: «Возьмем, к примеру, Ельцина. Он по глупости надиктовал мемуары «Исповедь на заданную тему». Из этих откровений следует, что Ельцин и в юности был туп (десятилетку сумел окончить за 12 лет, к 20 годам), подл (не стеснялся доносов), злобен (на мальчишеской разборке бросил гранату в сверстников, убив двоих, самому ему осколком оторвало пальцы). Тем не менее, благодаря влиятельному отцу и игре в волейбол, он получил диплом строительного института, но знаний из него не вынес ни на копейку. Строительные чертежи не способен был прочесть – то у него в строящемся им доме двери не в ту сторону открываются, то на чертежах строящегося цеха не увидел подземного перехода. Работая в строительстве, за год умудрялся получать до двух десятков выговоров (выгнать с работы могли за три). В конце концов, благодаря знакомствам отца, переходит на работу в партаппарат. И начинается бешеная карьера тупого и ленивого кре-

тина!» [1. С.487–488].

А нас поправили, еще раз приблизили к трудной правде. Нам дали информацию, исходящую от наблюдателя: «...Ельцин ввалился в Москву, как контролер в подсобку универсама, где торгаши рассовывают дефицитный товар по сумкам друзей. В городе с устоями «рука руку моет» поднялся переполох. Секретарь сам ходил по магазинам и рабочим столовым, а из Свердловска пригласил группу надежных ребят, и те под видом просителей-москвичей провоцировали чиновников на взятки. Потом их брали с поличным. Но впечатляло не столько это, сколько откровенность публичных высказываний Ельцина. В это же время на экранах ЦТ постоянно мелькал Горбачев: его округлые, как окатыши, фразы, с неизменным «углубить» и «осмыслить» не доходили до сердца. Люди истосковались по честным словам. А Ельцин откровенно говорил о произволе бюрократии и о том, что дальше так жить невозможно.

На его встречу с московской интеллигенцией в доме политпросвещения я пришел из любопытства. Но в ответах секретаря на вопросы собравшихся в зале звучала такая крамола, что впору наряд КГБ вызывать. Он возлагал вину на КПСС за многие промахи, а от самоуверенности центральных властей не оставил камня на камне. Много еще политического кипятка вылил на наши головы Ельцин.

В «Правде» мы напечатали несколько выступлений Бориса Николаевича. Цензура тряслась от бессилия: фрондер-

ствовал не какой-то бумагомарака, а кандидат в члены Политбюро. Для него у них руки короткие. (...)

Мне приходилось многократно бывать на заседаниях бюро ЦК союзных республик, крайкомов, обкомов, и я признавался себе, что такую цепкость, такую «убийственность» вопросов и такое знание деталей обсуждаемых проблем видел редко» [2. С.22, 27]. «Момент истины» выбираем сами. Нам это никто не запрещает делать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.